УДК 35:342.7:321.7

Новак-Каляева Л.Н.,

старший научный сотрудник Львовского регионального института Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, кандидат исторических наук, доцент (Украина, г. Львов)

ИМПЕРАТИВЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ЗАДАЧ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Исследованы неоднозначные трактовки взаимосвязей и взаимообусловленности прав человека и демократии в контексте задач государственного управления. Доказано, что права человека как теоретико-методологическая основа государственного управления способны мотивировать управленческую деятельность и способствовать укреплению демократических практик в обществе.

Ключевые слова: государственное управление, права человека, концепция прав человека, демократия.

Постановка проблемы. Дискуссия о правах человека как теоретико-методологической основе государственного управления, о перспективах реализации и мерах, обеспечивающих значимость концепции прав человека в национальной и межнациональной плоскостях, включая вопросы вмешательства сообщества государств или отдельных ее членов в случае нарушения прав человека, является политической вследствие взаимосвязи и взаимообусловленности прав человека и демократии. Проблемам развития демократического общества в современных условиях, особенностям взаимодействия человека и власти в контексте осуществления концепции прав человека в деятельности властных институтов на национальном и международном уровнях придается большое значение.

Анализ последних исследований и публикаций. Важные аспекты проблематики изучают зарубежные исследователи, в частности И. Берлин, К. Врочиньски, Р. Даль, Р. Дворкин, Р. Каплан, М. Кронпец, С. Лиденберг, Е. Лукашева, М. Новицьки,

В. Осятиньски, Д. Ролз, М. Дж. Сэндел, Ч. Тейлор, Дж. Уолдрон. Исследование процессов демократизации государственного управления, опыта модернизации институтов государственного управления на демократических началах связано с именами украинских исследователей, в частности В. Андрущенко, В. Бакуменко, Ю. Кальниша, В. Князева, А. Коваленко, А. Колодий, А. Оболенского, П. Петровского, В. Ребкало, П. Надолишнего, Н. Нижник, В. Скуративского, А. Сушинського, В. Тертички, В. Цветкова, Л. Шкляра.

Современные европейские державы в большинстве своем выстраивали основы новой государственности на складывавшихся веками человеческого опыта демократических принципах и воплощали демократию в практику государства в условиях «революции» прав человека [1], базируя политику на идее прав человека и гражданина. Позиция, которую занимают права человека в современных развитых обществах, в значительной степени определяет перспективу демократических процессов, которые, по мнению К.Лефора, самовоспроизводятся и таким образом совершенствуют правовую, административную, моральную и культурную среду, в которой права человека акцептованны и функционируют как на уровне индивида, так и на уровне государственных образований, утверждая неограниченность демократии прав человека [2], которые тем не менее требуют институциализации.

Демократия как форма государственного устройства и управления является обязательным требованием прав человека, а также обязательным условием их практического воплощения. Необходимая связь между правами человека и демократией является органической частью основополагающих документов ныне действующих демократий. Например, французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г., помимо провозглашения прав человека определяла способ обеспечения этих нерушимых прав и, провозглашая принцип суверенитета, требовала, чтобы ограничение индивидуальной свободы не могло быть осуществлено иначе, чем только через законы, принятые самими гражданами или избранными ими представителями [3]. Таким образом, уже тогда, когда только родился этот документ, связь между правами человека и демократией признавалась необходимой и взаимообусловленной. Э.-В. Бьокенфьорде, размышляя о теоретической системной связи между правами человека и демократией, отметил, что во взаимосвязи прав человека и демократии последняя должна быть реализована независимо от социально-культурных, исторических и политических условий, поскольку выступает необходимым требованием прав человека и условием их защиты [4, с. 165].

Демократия как форма государства и управления представляет собой такую форму самоопределения и самоуправления народа, смысл которой заключается в возможности граждан не только легитимировать власть, но и контролировать ее конкретное осуществление. Соблюдение прав человека демократическим государством возможно лишь при условии, когда бесспорными моральными убеждениями каждого человека в том числе будут: признание за другим человеком его равных политических жизненных прав даже при неприятии его политических убеждений; открытость аргументации и способность к компромиссу; неоспоримое уважение к демократическим правилам, в частности что касается равных шансов соблюдения и лояльности по отношению к решениям большинства, если последние не ставят под сомнение принципы демократии; готовность принимать политические решения не самостоятельно, исходя из собственных интересов, а исходя из общих интересов всех, куда могут и должны быть интегрированы как индивидуальные, так и групповые интересы, если это продиктовано целесообразностью и необходимостью. Такие этические требования и способы действия относятся к обязательным принципам организационного устройства демократии, и только при условии их соблюдения возможны существование и реализация демократии. При отсутствии этих предпосылок демократия как форма политического устройства не является ни жизнеспособной, ни функционально эффективной.

Взаимосвязи демократии с правами человека исследовали среди других Р. Алекси, П. Коллер. Последний, в частности, считает, что демократия не рассматривается как необходимая часть обеспечения прав человека, поскольку не существует общезначимого права человека на демократию как форму политического устройства [5].

Формы политического устройства важны не сами по себе, а поскольку они должны служить достижению определенных целей. Прежде всего речь идет об обеспечении безопасности, прав и свобод людей, живущих вместе в условиях этого устройства. Формы политического устройства в их конкретной определенности является не «самоцелью», а средствами достижения цели, формами объединения людей, живущих в определенных социально-культурных и политических условиях. Возможность участия в принятии политических решений через всеобщее равное и свободное избирательное право и основанные на нем демократические структуры волеизъявления не может быть предметом категорического и универсального требования без учета дальнейших результатов, просто исходя из ссылки на человеческое достоинство и права человека. Р. Алекси считает, что предметом дискуссии может быть вопрос о наличии предпосылок жизнеспособности и функциональной взаности демократии говорить о праве человека на установление демократии [6]. Демократия воплощается средствами государственной власти и государственного управления, которые Ч. Дж. Фокс и Г.Т. Милер трактуют как «процедурную демократию электорального типа». Авторы ведущих современных теорий государственного управления ищут возможности, при условии ослабления зависимости от совокупных политических интересов, достичь одновременно общественной независимости и административной эффективности [7, с. 3]. Современная политическая реальность многих стран «новой демократии» уже не является одной из бюрократически структурированных групп интересов, организующих рациональные преференции индивидам, чтобы способствовать их реализации политически ответственными правительственными агентствами, взамен она во многих своих проявлениях является, по Ж. Бодрийару, «гиперреальностью» [8, с. 87], т.е. «мнимой реальностью», «имитацией», воплощенной лишь в декларации, программы, намерения власти и широкий спектр предвыборной рекламы. Защита прав человека в этом случае становится также «мнимой», что подтверждают многочисленные случаи их нарушения в большинстве стран мира. Тезис В. Цветкова о том, что кризисное состояние общества свидетельствует об отсутствии... в государственном управлении подлинной и последовательной демократии [9, с. 425 — 426], не теряет актуальности.

Подавляющее большинство экспертов утверждают, что концепция прав человека неотделима от демократии, поскольку именно демократическая власть имеет возможность обеспечить соблюдение прав человека на уровне реализации политики, а диапазон механизмов их реализации именно в условиях демократии может быть значительно расширен. В то же время реализация прав человека в повседневной деятельности органов государственного управления вызывает существенные трудности и постоянное напряжение даже в тех демократических странах, где демократические традиции складывались на протяжении веков. В общественном сознании соблюдение прав человека тесно связано с процессом утверждения демократических институтов, а обеспечение демократических стандартов повседневной жизни ассоциируются именно с соблюдением прав человека, хотя абсолютизировать такую взаимозависимость не стоит.

Основополагающими характеристиками институтов демократической системы являются среди прочего равенство перед законом, свобода собраний и ассоциаций, право на свободные выборы, общественный контроль над властью, которые неотделимы от концепции прав человека и являются ее непосредственным воплощением. Демократические механизмы сами по себе не гарантируют прав человека ни на основе справедливого законодательства, ни при его беспрекословном соблюдении. Научный анализ подтверждает, что

такие несовпадения имеют историческое измерение, хотя, как подчеркивает Ф. Черданцев, права и интересы человека, гражданина фактически ставятся выше интересов общества, что вытекает из конституций правовых государств [10, с. 154 — 155].

Понятие «равенство» теоретически и практически трактуется неоднозначно. Например, коммунистическая идеология имела в виду равенство средств и благ, принадлежащих каждому, и равенство условий жизни. Равенство социалистов означало равенство шансов: люди изначально должны были иметь равный старт, что обусловливало равные возможности и зависимость собственного положения в обществе только от собственных усилий. В либеральной идеологии понятие равноправия очень близко понятию недискриминации, а дискриминация, в свою очередь, — это любая рационально не обоснованная дифференциация прав или полномочий, исходящая из физических или биологических признаков.

Согласно либеральным подходам, правовой системе присуще стремление к освобождению от дискриминационных положений, но даже самая правовая система, которой это гипотетически удалось бы, реально не способна обеспечить равенство всех перед законом, поскольку это недостижимый в современных условиях идеал. Попытки нивелировать разницу в позиции людей перед законом в зависимости от их социального и материального статуса, разницу в отношении закона к людям в зависимости от их положения в обществе, остаются теорией, не находя реализации на практике в полной мере.

Права человека даже в демократическом обществе не удовлетворяют потребностей равенства, в частности, в отношении статуса рождения и условий жизни, процветания, богатства и обстоятельств жизни, установления и поддержания взаимоотношений с другими людьми, поиска смысла жизни. Все это — задачи самой личности. Взамен государство, демократически получив от нее право на власть, должно обезопасить повседневную жизнь от излишнего вмешательства как самого государства, так и частных лиц. Провозглашение всех людей равными — это только приятная, в определенной степени приемлемая для большинства в обществе декларация. Даже соблюдение права всеми возможными средствами со стороны государственных органов и членов общества не сможет искоренить конъюнктурного характера личных и смешанных (с участием государства) взаимоотношений. Те или другие личные предпочтения всегда могут существенно влиять на ход взаимоотношений и событий, создавать условия для существования неравенства. Даже в очень рационально организованном обществе большинство потребностей не удовлетворяется в результате как политических процессов, так и завуалированных личных мотивов.

Практика воплощения равенства перед законом — это банальная ежедневная деятельность органов государственного управления. Равные отношения являются трудно достижимой целью именно потому, что в общественных или межличностных отношениях могут по разным причинам появляться элементы нерациональной дифференциации, следовательно, отношения «индивид — власть» могут иметь мощную нерациональной мотивацию, учитывая собственную личность и личность чиновника. Государство в этом контексте следует рассматривать как корпорацию, членами которой являются чиновники разных уровней, наделенные властью соответствующего объема.

В интересах соблюдения прав человека задачи государственного управления заключаются в том, чтобы путем совершенствования правового поля и организационного сопровождения управленческой деятельности создать такую ее регламентацию, которая будет способна свести к минимуму возможности злоупотреблений со стороны должностных лиц и мотивировать их соблюдать права человека хотя бы из меркантильных интересов, то есть ради собственной выгоды. Мерой и механизмом в условиях демократии является также выбор общественных целей в противовес частным требованиям и приоритетам. Призыв Р. Даля о необходимости «совершенствования человека» [11] звучит достаточно провокационно и вызывает анало-

гию с призывом «изменить народ, если ему не подходит государственное устройство».

Демократию преимущественно отождествляют с правами человека, и все претензии к демократическому правительству, как правило, формулируются в терминах концепции прав человека. В определенной степени это упрощение, ведь права человека, особенно если они получили конституционное подтверждение, находятся, условно говоря, над политическим процессом. Законодатели могут принять любые законы, кроме тех, которые нарушают права человека, защищенные конституцией. В частности, закон не может нарушать прав, например, национальных меньшинств и прав верующих или неверующих, даже если большинство хотело бы этого.

Права человека, таким образом, способны ограничить свободы законодателей. Это ограничение касается и благих намерений, а также действий «в интересах общества», ведь права человека защищают в том числе и против самого большинства, которое иногда обусловливает свои неправомерные действия интересами общественного блага в условиях, когда принцип демократии не совпадает с принципом общественного блага.

В демократическом процессе управленческие решения требуют учета аргументов разных сторон, разных интересов, разных групп и поиска компромисса. Процесс поиска компромиссного решения должен постоянно продолжаться с целью последовательного приближения к такой форме, которая наилучшим образом соответствует настроению и желанию большинства в каждый конкретный момент общественной жизни. Компромиссов обычно не существует в суде. Судебная защита прав в демократическом обществе в условиях, когда действия большинства от власти могут угрожать жизни и безопасности граждан или если власти отказываются от принципов демократии, как это произошло в тридцатые годы XX в. в Германии и некоторых других странах, может быть единственным путем сохранения демократии. В то же время судебная власть не в состоянии адекватно действовать, когда сообщество должно принять решение о выборе социальных целей государственной политики, поскольку это означало бы право liberum veto для каждого конкретного человека. В этом отражается постоянное напряжение между человеком и демократией: чем больше прав имеют конституционные гарантии, тем меньше в обществе места для компромисса, тем меньше свободы в выборе целей посредством демократических институтов, тем большую власть приобретают суды, особенно конституционные [12].

В зрелых демократиях большинство отделяет конституционные права от целей государственной политики, в частности социальных прав, которые имеют огромное значение для законодателей и чиновников, хотя их соблюдение напрямую зависит от экономических возможностей каждой страны. Международные пакты о правах человека отражают уверенность в том, что социальные права относятся к сфере ответственности правительств. Конституции большинства западных демократий занимаются социальными правами так же, как и политическими правами и гражданскими свободами. В частности, в немецкой Конституции содержится положение, в котором говорится, что Федеративная Республика является демократическим правовым и социальным государством, во вступлении в Конституцию Швеции содержится ссылка на социальные цели. Аналогично во Франции социальная политика основана на принципах, изложенных в преамбуле к Конституции [13]. Несмотря на это, правительства ни одной из этих стран не делают проблемы из буквального выполнения и реализации деклараций о социальных правах, указанные в конституциях, а широкий спектр декларируемых социальных прав может оставаться лозунгом в условиях финансово-экономических кризисов.

Таким образом, необходимость ограничения претензий относительно социальных прав, предоставление этим претензиям реалистического характера, а правам человека в социальной сфере скромного, но эффективного характера — это проблема не только новейших демократий, которые еще не достигли высоких социально-экономических показателей, но и наиболее экономически развитых европейских стран.

В социально сложных ситуациях возможны демократические решения, нарушающие права человека. Например, права на жизнь, достойные условия жизни, возможность свободного передвижения и т.д. могут быть нарушены в отношении меньшинства в условиях межэтнического или религиозного противостояния. Источником парадоксальности взаимоотношений демократии и концепции прав человека является то, что соблюдение прав одних людей вполне может означать ущемление прав других в каждой конкретной ситуации.

Важным аспектом взаимодействия личности и государственных учреждений является проблема легального ограничения прав человека. Среди прав человека, содержащихся в Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод, только свобода от пыток и свобода от рабства не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах. В случае возникновения конфликта между их реализацией и правами и свободами других людей или такими благами, как, например, безопасность государства, отдельные права могут быть ограничены [14].

Однако эти ограничения допустимы исключительно в случае когда они обусловлены:

— конкретными достаточно весомыми целями;

— принципами права: органы государственного управления самостоятельно не имеют права вносить такие ограничения;

— допустимостью только минимального ограничения, достаточного для защиты блага, с которым реализация права находится в противоречии;

— формой ограничения, приемлемой в демократическом обществе.

Ограничения прав человека при определенных условиях допустимы, но их объем и форма должны быть проконтролированы. Таким образом, возможность ограничения прав человека ни в коем случае не отменяет их сути.

Возможность даже демократичного режима обеспечить соблюдение прав человека в неоднозначных жизненных ситуациях во многом зависит от знаний людей о собственных правах и отношения к ним, особенно в условиях информационного общества, когда ими очень легко манипулировать. Поэтому широкое участие граждан в формировании демократических основ общества и государства составляет самую суть демократии, но не гарантирует соблюдение государством прав человека.

Понимание отношений между государством и личностью в отношении ее неотъемлемых прав базируется на ценностях и критериях, лежащих в основе демократических механизмов реализации этих прав. Речь идет о суверенитете человеческой личности, которая часто подвергается опасности именно со стороны государства. Например, от чрезмерного вмешательства органов и структур исполнительной власти в личную жизнь граждан в условиях военных действий и действий сил правопорядка; вследствие просчетов и некорректных действий в банковской и экономической системах и др. Нарушения в названных и многих других сферах жизни приводят к нарушению суверенитета человеческой личности и имеют глобальные последствия не только для отдельной личности, но и для всего общества [15, с. 66—67].

Сторонники так называемого «горизонтального применения права», в частности С. Лиденберг, утверждают, что концепция прав человека может быть применена не только во взаимоотношениях личности и государства, но и в отношениях между людьми [16, с. 77]. Скептики считают, что люди не должны защищать себя, ведь государство защищает граждан от нарушений их прав со стороны других людей, вводя уголовную ответственность за не соответствующие законам действия и преследуя тех, кто их практикует. Существуют ситуации, когда применяется смешанная система отношений между государством и человеком, если такие отношения не могут быть урегулированы добровольно, а государство имеет свои преимущества и возможности устойчивого использования принуждения в отношении других. Дети — в семье и школе, женщины — везде, где они экономически или физически зависимы от мужчин, больные — в больнице, в частности в психиатрической, являются зависимыми от доброй воли лиц,

которые занимаются ими, хотя в государственных учреждениях — в школах, детских садах, больницах, в армии, в тюрьмах и других закрытых учреждениях — права человека должны применяться непосредственно. Во всех случаях нарушений прав человека государство включается в ситуацию вследствие нарушения, которое уже состоялось, то есть post factum. Таким образом, социально уязвимая личность становится слабой стороной взаимоотношений с государством apriori — до опыта — и не может иметь чувство безопасности и защитить свое достоинство в условиях зависимости от окружения.

Человек в любом случае не должен рассматриваться как инструмент, который может быть использован другими людьми, тем более в той или иной степени наделенными властью. Защита человеческого достоинства является общепризнанной имманентной обязанностью государства в случае нарушения прав человека, которому необходимо иметь минимальное чувство безопасности и от государства, и от частных лиц. Права человека призваны удовлетворять именно эту потребность в безопасности.

В то же время права и потребности в безопасности не должны обязательно совпадать, ведь все потребности всех людей не могут быть согласованы, и это еще один аспект проблемы универсальности. Права человека даже в демократическом обществе не охватывают всех потребностей, а только базовые, в частности потребность в безопасности, ведь человеку необходима в жизни зона, свободная от вмешательства со стороны как правительственных структур, так и других людей.

Полемической остается проблема легитимности сопротивления власти, если таковая не способна обеспечить соблюдение прав человека. А. Зомек отметил, что «права человека защищают только те интересы, которые являются настолько фундаментальными, что их (систематическое) нарушение разрушает легитимность государственной власти и тем самым легитимирует сопротивление, связанное с насилием» [17, с. 51]. Касаясь проблемы легитимности, Е. Тугендгат заметил: «Легитимность власти может — в современную эпоху — быть оправданной, только когда доказано, что она служит в равной мере интересам каждого человека» [18, с. 101].

Исторический опыт Франции, где во время Великой французской революции XVIII в. была сформирована своеобразная, основанная на идеях индивидуализма и естественных прав человека модель развития, предостерегает от конфликта задекларированных идей с исторической государственно-правовой традицией страны. В документах того времени было признано право народа на сопротивление власти в случае ее неправомерных действий. Провозглашение в ходе революции прав человека, идеи равенства и свободы, народного суверенитета, распределения властей, не подкрепленное выработкой механизмов их соблюдения и контроля, привело к правовому вакууму, который во время революции был заполнен режимом диктатуры и террором.

Р. Каплан подчеркивает, что демократия является успешной только как кульминационный пункт в других общественных и экономических достижениях [15]. Молодая демократия, неэффективные коррумпированные суды, управляемая в ручном режиме экономика и, как следствие, слабое гражданское общество не в состоянии служить противовесом, поэтому эту миссию берут на себя права человека, выступая критериями ограничения власти и основой для осознания необходимости переосмысления правовой концепции в стране.

Совершенным гарантом прав человека демократия в таком случае выступает только в идеальном государстве. В реальной демократии неизбежно возникает напряжение между основными правами и демократией. Политический процесс может быть искривлен вследствие влияния денег и сил, которые вытесняют рациональную аргументацию компромиссами. Политическая общественность может испытывать периоды упадка, окостенения, вялости. Реальный демократический процесс как таковой, как правило, не может быть достаточной гарантией для прав человека и основных прав. Эта мысль возвращает к необходимости самоконтроля законодателя, который может быть организован так или иначе в судебной форме — в форме конституционного суда.

Каждый человек должен иметь гарантии прав, необходимых для личной безопасности. Право на жизнь и личную свободу, право на надлежащую правовую процедуру и справедливое обращение в случае лишения свободы со стороны государства, свободу от пыток, свободу мысли, совести и религии, право на участие в управлении страной и в оппозиционной деятельности, свободу собраний и ассоциаций — это далеко не полный список, который должен быть стандартом, постоянно обсуждаемым и изменяющимся национальными и международными организациями в интересах человека с целью актуализации и учета динамики исторического процесса. Обсуждение такого стандарта целесообразно сосредоточивать именно на политических правах и основных свободах, реализация которых обусловливает прогресс и возможности реализации социальных прав человека. Когда такой список будет по крайней мере согласован, права человека должны стать критерием поведения в международных отношениях.

Таким образом, в теории и практике внедрения концепции прав человека в деятельность органов государственного управления существуют условности, которые необходимо осознавать и учитывать. Фундаментальные права человека принадлежат людям не как таковые, то есть в абсолютном смысле, а лишь относительно определенных других лиц, то есть при условии, что общество признает и нормативно связывает права человека и механизмы их соблюдения всеми членами общества. Персональная значимость является фундаментальной общей чертой всех прав, ведь фраза о том, что все признают права человека, в значительной степени условна. Существование преступности, коррупции, терроризма ограничивает универсальность и всеобщность прав человека необходимостью на государственном уровне прилагать значительные усилия в деле их соблюдения всеми членами общества. Это идеал, к которому стремится человечество. Глобальность в этом контексте не увеличивает оптимизма относительно реальности полного его воплощения. В то же время на местном уровне эта задача вполне посильна для органов государственного управления.

Воплощение в жизнь концепции прав человека может начинаться с преобразования в действующую модель поведения должностных лиц органов власти и управления на национальном и местном уровнях. В этом контексте национальные институты власти должны нести всю полноту ответственности за свои действия, поскольку международные институции защиты прав человека имеют собственные прерогативы и не должны подменять национальные органы. Защита социальных прав как целей государственной социальной политики, распределение ресурсов, законные потребности и интересы отдельных лиц, групп и меньшинств должны оставаться полностью подвластными национальным законодательным процессам. При этом следует понимать, что правительственная правозащитная риторика способна привлечь внимание общественности, но не способна кардинально влиять на состояние соблюдения прав человека.

Выводы данного исследования и перспективы дальнейших поисков в данном направлении. Последовательная деятельность органов государственного управления на основе прав человека как теоретико-методологической основы государственного управления — единственный действенный вариант обеспечения их соблюдения органами государственного управления. Прозрачность такой деятельности выступает следствием, а не механизмом, ведь это качество процесса управления, а не его суть. В то же время полная прозрачность действий власти и управленческого аппарата такое же идеальное условие, как гарантии соблюдения прав человека в полном объеме. Мотивировать открытость правительственных действий способны только адекватное правовое поле и гражданское общество, возможности которого в противостоянии с властью значительной степени пропорциональны желанию власти допустить их публичность. При таких условиях взаимодействие органов государственного управления и гражданского общества обусловлено квалификацией власти и самостоятельностью общественных структур, что снова приводит к зависимости от качества управленческих процессов и личных

качеств конкретных должностных лиц, их компетентности и доброй воли.

Среди действенных мер предотвращения существенных нарушений прав человека со стороны органов государственного управления, правоохранительных органов и спецслужб — интенсивное совершенствование правового поля в направлении ограничения волюнтаристских действий законодателей и правительства, неотвратимости ответственности и публичности управленческих решений.

Библиографический список:

1. Gramsci A. The Modern Prince and Other Writings. — International Publishers, 1968. — 192 p.

2. Лефор К. Политические очерки (XIX—XX века) / Пер. с фр. Е.А. Самарской. — М.: РОССПЭН, 2000. — 367 с.

3. Декларація прав людини і громадянина 1789 р./ Конституційна асамблея: — Електронний ресурс / Режим доступу: http://constituanta.blogspot.com/2011/02/blog-post_27.html

4. Бьокенфьорде Е.-В. Чи є демократія необхідною вимогою прав людини? // Філософія прав людини [Текст]: переклад з німецької / ред.: Штефан Госепат, Георг Ломанн. — К.: Ніка-Центр, 2008. — С. 168—170.

5. Коллер П. Сфера значущосты прав людини // Філософія прав людини [Текст]: переклад з німецької/ ред.: Штефан Госепат, Георг Ломанн. — К.: Ніка-Центр, 2008. — С. 87—110.

6. Alexy, R. (1985) Theorie der Grundrechte.Baden Baden: Nomos. S.88 — 90.

7. Fox Ch., Miller H.T. Postmodern Public Administration / Revised edition. — London: M.E. Sharpe, 2007 — 157 p.

8. Бодрийяр Ж. «Симулякры и симуляции» [Електронний ресурс] — Режим доступу: http://exsistencia.livejournal.com/

9. Державне управління і політика: Монографія / Цвєтков В.В, Селіванов В.М., Скрипнюк О.В. — К.: Видавництво Абрис», 2006. — 312 с.

10. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. — М.: Наука, 1999. — 280 с.

11. Даль Р. Демократия и ее критики / Пер. с англ. Под ред. М.В. Ильина. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. — 576 с.

12. Nowicki M. Co to so prawa chlowieka — Електронний ресурс / Режим доступу: http://www.hfhrpol.waw.pl/pliki/MNowicki_CoToSa.pdf

13. Конституційні акти Європейського Союзу (в редакції Лісабонського договору). — К.: К.І.С., 2010. — 536 с.

14. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Комментарий к статьям 5 и 6 Текст.: перевод с англ. / Отв. ред. Н. Б. Топорнин. М.: Институт государства и права РАН, 1997. — 160 с.

15. Kaplan R. Freedom Worldwide. — New York: Freedom House, 1997. — 118 p.

16. Ліденберг С. Захист економічних і соціальних прав у національних правових системах / Економічні, соціальні і культурні права / Під ред. А.Ейде, К.Краузе, А.Розаса; Пер. з англ. Г.С.Краснокутського; Наук. Ред. Г.І. Чанишева, О.: АО Бахва 2006. — 728 с.

17. Somek A. (1995), «Die Moraliesierung der Menschenrechte», in: C.Demmerling und T.Rentsch (Hg.), Die Gegenwart der Gerechtigkeit, Bonn, S. 48—56.

18, Tugendhat E. Tři přšednašky o problemech etiky. Praha: Mlada fronta 1998. — 380 p.

Novak Kalyaeva L.N., e-mail: larisa_novak@mail.ru

A senior research worker of the Lvov Regional Institute of the National Academy of Public Administration under the President of Ukraine, candidate of historical sciences, associate professor (Ukraine, Lvov)

THE IMPERATIVES OF HUMAN RIGHTS IN A DEMOCRATIC SOCIETY IN THE CONTEXT OF GOVERNMENT TASKS

Ambiguous interpretations of the relationship and interdependence of human rights and democracy in the context of the tasks of government are considered. It is proved that the human rights of both theoretical and methodological framework of government can motivate management activities and contribute to the strengthening of democratic practices in the society.

Key words: governance, human rights, the concept of human rights, democracy.